

Л.Р.Дускаева

ОПРОВЕРЖЕНИЕ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ ЖУРНАЛИСТА

Статья посвящена прагматическому анализу одного из важнейших коммуникативных действий в медиатексте — опровержения, которое выражается отбором равноуровневых языковых средств, взаимодействующих в тексте при реализации профессионально мотивированных интенций. В центре внимания автора статьи — выражение в коммуникативном действии негативного отношения к чужим смысловым позициям.

Ключевые слова: прагматика, негативная оценочность, профессиональное коммуникативное действие

1. Введение

Диалогичность — фундаментальное свойство газетной речи, которое обусловлено, во-первых, встроенностью всякого текста в общий диалог текстов, промежуточным положением любого текста (текст — реакция на прежде высказанное и стимул для последующего ответа), во-вторых, нацеленностью всякого текста на предвосхищение возможных реакций адресата. Как писал философ-диалоговед М.М.Бахтин, «нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту», а «всякий предмет речи говорящего... не впервые становится предметом речи в данном высказывании, и данный говорящий не первый говорит о нем. Предмет, так сказать, уже оговорен, оспорен, освещен и оценен по-разному, на нем скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления» [1, с. 342].

Интерес журналиста может быть связан с циркулирующими в общественном сознании чужими мнениями или высказываниями. Действительно, на страницах газет не может не отражаться реально существующее столкновение различных взглядов, идей, мнений. В обществе неизбежно появляется потребность не просто в демонстрации противоположных воззрений, но в оценке зачастую идейно несхожих позиций, в интерпретации чужих высказываний с тех или иных позиций. Эти потребности и послужили причиной формирования важного направления оценочно-ориентирующей деятельности журналиста — оценки чужих смысловых позиций. Своеобразие таких текстов состоит в том, что они выстраиваются в диалоге не только с концепцией адресата, но и с позицией «третьего» лица. Таким образом, форма диалогичности, представленная здесь, — диалог с «третьими» лицами.

Носители чужого мнения («ОНИ», «ОН») в газетных текстах могут быть представлены по-разному: определенными субъектами и неопределенно, некой общностью, дающей факту действительности одинаковую оценку [2]. В газетных текстах получают оценку книги, статьи, публичные выступления, публикации прессы, документы и даже досужие вымыслы, сплетни и т.д. Соответственно, различным образом представляют и само чужое мнение и его оценку: если оно оформлено в виде законченного высказывания, журналист оценивает аргументацию, приведенную в этом высказывании, если оно оформлено как фрагмент общественного мнения, журналист выделяет в нем какую-то особенность и характеризует ее.

Важная особенность журналистского исследования состоит в том, что оно ведется в условиях плюрализма мнений в общественном сознании по обсуждаемым в прессе вопросам, задача журналиста в этих условиях — высказать и обосновать то или иное мнение и привлечь на свою сторону, по возможности, как можно больше единомышленников, убеждая их в правильности своей позиции. Но различие подходов к оценке действительности у разных людей предопределяет формирование проблемной ситуации, которая возникает в тот момент, когда журналистское представление о действительности вступает в противоречие с теми, которые уже есть в общественном сознании. Журналист, оказавшись в проблемной ситуации, анализирует точку зрения оппонента. Вот почему опровержение — важная сторона речевой деятельности журналиста, так профессионал получает возможность выйти на разговор со своими оппонентами в открытую. Таким образом, опровержение чужого высказывания и мнения — типовая интенция у журналиста [3].

2. Методика анализа

Опираясь на идею о диалогической структуре всякого текста [4], мы пришли к следующим выводам. Композицию текста можно представить как типовую текстовую структуру, в которой реализуется совокупность коммуникативно-речевых интеракций, позволяющих достичь общей коммуникативной цели. Каждое действие, реализующее ту или иную интенцию, выражается в отдельном диалогическом цикле, имеющем стимулирующую и реагирующую реплики (сообщение — оценка сообщения). Значит, ввиду совмещения в тексте смысловых позиций коммуникантов, композиция текста может быть рассмотрена как развертывание последовательности диалогических циклов, в которых отражаются не только стимулирующие речевые действия автора, но и прогнозируемые им речевые реакции других коммуникантов [5].

Смысловая структура текстов, задача которых — опровержение прежде сказанного, по меньшей мере, двупланова, поскольку в них запечатлена смысловая позиция автора, взаимодействующая с позицией

«третьего» лица. Смысловая позиция другого лица, выраженная разными средствами передачи чужой речи, получает авторскую оценку («ОН — Я») или сопоставляется с другой, оцениваются взгляды нескольких «третьих» лиц («ОН¹ — ОН²»), тем самым создается полилогичность текста. С помощью этих циклов, по нашим наблюдениям, в газетных текстах отражается фрагмент разворачивания речевого взаимодействия, эксплицируется двусторонность текста, когда одна его «сторона», иницирующая, представляет собой объективацию авторской смысловой позиции, а вторая, моделируемая, — реализацию предполагаемой автором же реагирующей смысловой позиции третьих лиц. В этот диалог включена вторая сторона — адресат. Адресат не просто «корректирует», но и стимулирует авторскую коммуникативную деятельность, сам же автор таким образом обеспечивает адекватность реакции адресата на поставленную им, инициатором общения, коммуникативную цель. Циклы оказываются *единицами*, которые структурируют способы разворачивания письменного текста с помощью: а) экспликации реально представленных или прогнозируемых смысловых позиций и б) маркеров диалога — регулятивов, показывающих направление и способ взаимодействия этих позиций. Опровержение проходит следующие этапы: сначала излагается суть столкновения разных смысловых позиций и дается авторская оценка каждой, затем автором обнажаются искажения в чужих позициях. Наконец, в завершение демонстрируется авторская версия происшедшего.

Проанализируем композицию публикации из газеты «Аргументы и факты» от 6 марта 2015 года «Страсти по Марии. Была ли мать Ленина любовницей императора?» как последовательность диалогических циклов.

3. Анализ материала

В указанном тексте обнаруживаются все три указанных диалогических цикла, характерных для опровержения. Эти циклы-интеракции — шаги, с помощью которых достигается цель коммуникативного действия по опровержению нелепой с точки зрения автора смысловой позиции.

а) Первый цикл: столкновение разных смысловых позиций и авторская оценка каждой

Суть столкновения разных смысловых позиций передается в цикле «ОН¹ — ОН²», когда автором соотносятся противоположные позиции, принадлежащие третьим лицам. В первом стимулирующая и реагирующая реплики принадлежат «третьим» лицам и дается авторская оценка каждой. В этом цикле носители точек зрения представлены неопределенно, как укоренившееся представление: *В советский период отношение к образу Марии Александровны Ульяновой, матери Владимира Ильича Ленина, по понятным причинам было подчеркнуто почтительное. Мать вождя социалистической революции удостоивали только положительных эпитетов, поскольку женщина, родившая «самого человеческого человека», просто не могла предстать в дурном свете. С распадом Советского Союза, сопровождавшимся волной антикоммунистической истерии, поношению подвергся не только сам Ленин, но и все его ближайшие родственники. Не пощадили и мать. Марии Ульяновой приписывались все смертные грехи: от сексуальной распущенности вплоть до воспитания из своих детей фанатиков-террористов...*

Первая позиция введена с помощью лексемы *отношение*, предиката речи *удостоивали*, содержание позиции поясняется оценочными лексемами (*подчеркнуто почтительное, только положительных эпитетов*). Автор выражает свое отношение к этой позиции только указанием на ее идеологическую ограниченность (*женщина... просто не могла предстать в дурном свете*). Вторая смысловая позиция противоположна первой, она введена тоже обобщенно, отрицательное отношение автора к ней очевидно, поскольку выражено отрицательно-оценочной лексикой (*антикоммунистической истерии, поношению, не пощадили*). Как видим, автор дает этическую оценку такой позиции.

Вторая смысловая позиция включает продолжение вымышленной версии судьбы героини (мы даем ее в сокращении): *Особенно распространённой в постсоветские годы стала версия о том, что мать вождя революции была близка с императором Александром III, и плодом этих отношений стал старший сын Марии Ульяновой — Александр. Согласно этой версии, Мария Ульянова, в девичестве Мария Бланк, в молодости состояла фрейлиной при императорском дворе. ... Роман ... завершился рождением сына, которого мать назвала Александром в честь отца. Великий князь планировал устроить будущее своей любовницы и незаконнорождённого сына, однако пылкая фрейлина завела новые отношения, в результате которых она снова забеременела и родила дочь Анну. ... её срочно выдали замуж за некоего Илью Ульянова, который, по версии наиболее радикальных историков, являлся гомосексуалистом. Сосланная из Петербурга Мария Бланк-Ульянова продолжала вести достаточно свободный образ жизни, родив ещё четверых детей. Обиженная на царя женщина раскрыла старшему сыну тайну его рождения, и повзрослевший Александр решил отомстить императору, так подло обошедшему с ним и матерью. Совершенно очевидно, что чужая позиция представлена автором как, по меньшей мере, вызывающая сомнение, поскольку излагается в ироничной форме. Иронично обозначены и авторы этой версии (*радикальные историки*), и чрезмерность пикантных деталей. Совершенно закономерно, что эта позиция стимулирует взаимодействие с другой, которая вводится в текст как реагирующая реплика.*

Эта реплика вводится синтаксической конструкцией, грамматическая основа которой «субъект речи + глагол речемышления»: *Более умеренные исследователи историю про гомосексуальные наклонности Ильи Ульянова и распутную жизнь его супруги в Симбирске не поддерживают, но настаивают — роман Марии*

Бланк и великого князя Александра Александровича был, и Александр Ульянов действительно был сыном будущего императора. В качестве доказательства многие ссылаются на известную писательницу Мариэтту Шагинян, якобы нашедшую в 1970-х годах в архивах подтверждение этой истории, но получившую строгий запрет на публикацию данных фактов от советского руководства. Как видим, антонимические в этом контексте определения авторов каждой из версий, радикальные и умеренные историки, противопоставляют смысловые позиции, а вместе с тем отражают полемичность общественного мнения.

б) Второй цикл — «Они — Я»: демонстрация автором искажений в чужих позициях

Цикл вводится обращенным к читателям вопросом, который акцентирует внимание сразу на искажениях, требующих опровержения: *Так могла ли быть Мария Ульянова любовницей императора и родить от него сына? Мария Александровна Бланк родилась ... в семье ... надворного советника ... Александр Дмитриевич Бланк был успешным врачом, достаточно обеспеченным, но знатного происхождения не имел. Не была представительницей знатного рода и его супруга. А в Российской империи фрейлинами ... могли стать только представительницы знатных родов. У Марии Бланк шансов на это не было никаких. Потомственное дворянство Марии Ульяновой и её детям было оформлено только после смерти мужа ... Ещё один факт, разрушающий всю версию о романе с великим князем. Списки всех фрейлин ... велись в России непрерывно с 1712 года, и имени Марии Бланк в них нет. Более того, известно, что Мария Бланк, действительно родившаяся в Петербурге, покинула этот город... в 1841 году... На момент отъезда Марии Бланк было шесть лет — роман с императором не закрутишь при всём желании. А к моменту отъезда 6-летней Марии из Петербурга её предполагаемого любовника ещё не было на свете — Александр III, который был на 10 лет моложе, родился только в 1845 году... В 1861 году девушка... познакомилась с... Ильёй Ульяновым, работающим учителем математики в Пензенском дворянском институте. Илье Ульянову к тому времени было 30 лет, Марии Бланк — 26, а великому князю Александру Александровичу — 16.*

Следующая глава публикации имеет название, в котором указано на грубейший «промах» в созданном в постсоветский период мифе: *Любители сенсаций забыли про Анну*. И в продолжение: *...Согласно версии о романе между Марией Ульяновой и Александром III, первым у неё родился сын, Александр. Удивительно, но здесь сторонники версии допускают грубейшую ошибку. Дело в том, что старшим ребёнком в семье Ульяновых была дочь Анна, родившаяся в 1864 году. Если верить сторонникам этой теории, то надо согласиться с тем, что 20-летний наследник престола крутил роман с 30-летней секретной замужней фрейлиной, не внесённой ни в какие списки, с годовалой дочерью и супругом в Нижнем Новгороде. Продолжать, очевидно, не имеет смысла. Родившийся в 1866 году Александр Ульянов ни при каких обстоятельствах не мог быть сыном Александра III, как не мог быть и сыном террориста Каракозова, покушавшегося на Александра II, — версия о том, что Мария Ульянова и Каракозов могли хотя бы один раз встретиться, не находит ни единого подтверждения.*

Как видим, лживость версии «радикальных» историков разоблачена, поэтому приговор им, основной смысл которых передан в этических оценках, выглядит логическим завершением:

Поборники свободы и демократии, разоблачавшие преступления советского режима, в 1990-х годах в желании растоптать ненавистных персонажей опустили настолько низко, что не щадили память их родных и близких.

в) Третий цикл — «Я — Они — Вы»: демонстрация авторской версии событий

Этот цикл выражается как диалог между автором публикации и читателями, и в нем журналист стремится убедить читателей в правоте своих выводов, поэтому текст буквально пронизан полемическими обертонами, в них слышны отзвуки спора с гипотетическими оппонентами: *Жизнь Марии Александровны Ульяновой была не самой простой...как ни относиться к представителям семьи Ульяновых, нужно признать, что были они людьми высокообразованными. И в этом безусловная заслуга Марии Ульяновой. Воздавая дань заслугам семьи Ульяновых, журналист обращается к высокой лексике, отчего текст обретает патетическую тональность: После смерти Ильи Ульянова, человека, чьи заслуги на ниве российского образования были вознаграждены пятью орденами Российской империи, семья лишилась главной опоры. Мария Александровна несла этот груз за двоих. Стилистика патетики этой части текста вступает в противоречие со сниженностью стилистики тех фрагментов, в которых излагалась смысловая позиция оппонентов.*

Автор как будто перелистывает трагические страницы жизни своей героини: *Ей пришлось пережить немало тяжких моментов. Старший сын Александр, талантливый и способный молодой человек, ... увлёкся радикальными революционными идеями, что и привело его... на виселицу. ...в день казни старшего брата, от брюшного тифа умерла средняя дочь Ольга... Ей было 19 лет. Средний сын Владимир, ...увлёкся революционными идеями и впоследствии заразил ими всех своих братьев и сестёр. На долю детей Марии Ульяновой, выбравших свой путь, пришлось немало испытаний. Заключение, ссылки, вынужденная эмиграция...*

Мария Александровна Ульянова осталась со своими детьми, не обращая внимания на косые взгляды и упрёки. Она поддержала их выбор, потому что не могла поступить иначе. Торжества революции, лидером которой стал Владимир Ульянов-Ленин, она не увидела. Мария Александровна Ульянова умерла в 1916 году.

Ведя свое повествование, автор рассекает его конструкциями, в которых он обращается к оппонентам: *Можно спорить о том, насколько революционные идеи Владимира Ульянова были справедливы, но речь сейчас*

не об этом. Средства актуализации противительных отношений в этих конструкциях (глагол речи с соответствующей семантикой *спорить*, косвенный вопрос в придаточной части, показывающий спорные моменты в смысловой позиции, союз *но*, отрицательная частица *не*) помогают уточнить авторский подход к проблеме.

В отдельных случаях у оппонента, с которым ведет полемику журналист, появляется конкретное имя: *В конце 1980-х годов из уст Анатолия Собчака прозвучало утверждение о якобы существующем завещании Владимира Ильича Ленина, в котором он просил похоронить его рядом с матерью, на Волковском кладбище Петербурга*. Но автор не оставляет оппонентам даже шанса для признания их версии истинной: *...Однако правда заключается в том, что подобного завещания никогда не существовало в природе. А для того, чтобы быть рядом, Марии Александровне и её сыну Владимиру не нужно ни завещаний, ни разрешений. Они всегда вместе*. Вывод звучит категорично благодаря использованию усилителей отрицания (наречия *никогда*, повторяющегося союза *ни... ни...*).

4. Выводы

Таким образом, в данном тексте можно выделить по крайней мере 3 диалогических цикла «Он¹ — Он² — Я» или «Он — Я», «Я — Он — Вы», с помощью которых развенчивается вымысел некомпетентных авторов, называющих себя историками. Одна смысловая позиция, начинающая коммуникацию, предстает в виде сообщения или утверждения третьего лица. Другая — как экспликация опровержения, которое выражается отбором разноуровневых языковых средств, вступающих на текстовой плоскости во взаимодействие при реализации профессионально мотивированных интенций. Среди средств выделяется, по крайней мере, три группы: 1) вводящие чужую речь; 2) актуализирующие ее содержание (оценочные, акцентирующие, эмотивы); 3) выражающие отношение к чужому высказыванию. Чужие смысловые позиции вводятся специальными конструкциями (субъект речи+номинации речевых актов), вводными словосочетаниями соответствующей семантики. Содержание чужой речи актуализируется оценочными средствами (чаще всего содержащими этическую оценку), акцентирующими (частицами *только*, *лишь* и т.п., указательными местоимениями и наречиями), эмотивами (*удивительно*, что...). Для ее введения используются средства пересказа в косвенной речи, несобственно-прямая речь.

5. Заключение

Продemonстрированный в тексте порядок расположения и набор диалогических интеракций воспроизводит образ профессионального речевого поведения, способ достижения интенции опровержения во взаимодействии с гипотезой адресата. Развитие содержания монологического текста демонстрируется в чередовании циклов, отражающем соотношение различных смысловых позиций — передачу, развитие, утверждение и обоснование одних и опровержение других. Выделение именно таких единиц позволяет нам увидеть, с одной стороны, особенности речевого поведения профессионала в развертывании и отражении в речевой структуре газетного текста не только реального, непосредственного диалога (интервью), но и имплицитного, с прогнозируемой позицией читателя. С другой стороны, помогает вскрыть социально ориентированную природу журналистского творчества, состоящую в том, что иллюкативное вынуждение свойственно не только авторской позиции, но и прогнозируемой интерпретирующей деятельности адресата.

Мы могли бы привести примеры множества других текстов, имеющих аналогичную структуру. Это свидетельствует о том, что в журналистике сложился особый тип текстов-опровержений, позволяющий вполне убедительно и неагрессивно убеждать читателя в лживости чьих-то суждений или некомпетентности некоторых участников общественной коммуникации.

Полагаем, что умение строить опровержение с помощью здравых рассуждений и анализа фактов — важная сторона профессионализма журналиста. Но самое главное — такое опровержение приучает читателя вдумчиво относиться к чужим высказываниям, перепроверять сомнительные факты и не доверять досужим вымыслам и сплетням.

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 336 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 339 с.
3. Чернышова Т.В. «Негативная оценочность» как фактор конфликтности публицистического текста [Электр. ресурс] // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. URL: http://siberia-expert.com/publ/negativnaja_ocenochnost_kak_faktor_konfliktnosti_publicisticheskogo_teksta_t_v_chernyshova/3-1-0-65. (дата обращения: 01.04.2015).
4. Дускаева Л.Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.
5. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта [Электр. ресурс] // Медиалингвистика. 2014. Вып. 1(4). С. 5-15. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1417035558_706.pdf (дата обращения: 01.04.2015).

Reference

1. Bakhtin M.M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb., 2000. 336 s.
2. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt. M., 1988. 339 s.
3. Chernyshova T.V. «Negativnaya otsenochnost'» kak faktor konfliktnosti publitsisticheskogo teksta [Elektr. resurs] // Sibirskaia assotsiatsiya lingvistov-ekspertov. URL: http://siberia-expert.com/publ/negativnaja_ocenochnost_kak_faktor_konfliktnosti_publicisticheskogo_teksta_t_v_chernyshova/3-1-0-65. (data obrashcheniya: 01.04.2015).

4. Duskaeva L.R. Dialogichnost' sovremennykh gazetnykh tekstov v aspekte rechevykh zhanrov. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2004. 112 s.
5. Duskaeva L.R. Medialingvistika v Rossii: lingvopraksiologicheskaya dominanta [Elektr. resurs] // Medialingvistika. 2014. Vyp. 1(4). S. 5-15. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1417035558_706.pdf (data obrashcheniya: 01.04.2015).

Duskaeva L.R. Disproof as a professional journalist's communicative action. The article is devoted to analysis of one of the most important action of media text — disproof, which is expressed by selection of different levels of language meanings in the text in conjunction with the implementation of professionally motivated intentions. The focus of this article is the expression of negative semantic positions.

Keywords: praxeology, negative evaluative, professional communicative action

Сведения об авторе. Л.Р.Дускаева — доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации; Санкт-Петербургский государственный университет; LRD2005@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.03.2015.